
Р. С. ВАСИЛЬЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ОХОТСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

(По археологическим материалам коллекции М. Г. Левина
с острова Завьялова)

Северная часть Охотского побережья, несмотря на исследования последних лет¹, остается еще слабо изученной в археологическом отношении. Да и накопленные материалы большей частью не опубликованы, что нередко приводит к неверному, искаженному представлению о древних культурах этой территории.

Между тем, исследование археологических памятников Охотского побережья способствовало бы пониманию сложных процессов первоначального расселения и формирования северо-восточных палеоазиатов. Уже сейчас с полным основанием можно говорить о ряде охотских памятников более древнего возраста, чем все известные культуры Берингоморья. Все это требует скорейшего ввода в научный оборот археологических материалов и прежде всего самых первых коллекций с Охотского побережья. К их числу относится довольно большая и интересная коллекция М. Г. Левина, собранная им во время археологических исследований в 1930—1931 гг. на о. Завьялова, известном ранее под названием Ольский.

М. Г. Левин первым начал изучение археологических памятников Охотского побережья и до конца своих дней продолжал ими интересоваться. К сожалению, коллекция с о. Завьялова осталась не опубликованной², если не считать краткого упоминания о ней в связи с вопросом этногенеза северо-восточных палеоазиатов³.

Остров Завьялова, расположенный в восточной части Тауйской губы при входе в Нагаевскую бухту, представляет собой горный массив, вытянутый с северо-востока на юго-запад. Своими очертаниями остров напоминает трапецию. Длина его доходит до 20 км при средней ширине 6,5 км. Вся площадь острова занята возвышенностями, большинство которых не превышает 300 м над уровнем моря. Берега острова скалистые и обрывисты, изрезаны очень слабо. Имеется лишь одна неболь-

---

¹ К настоящему времени археологическими работами охвачен участок побережья протяженностью более 700 км от Мотыклейского залива на юго-западе до р. Ямы на севере, см.: «Краеведческие записки Магаданского музея», вып. 1—4, Магадан, 1957—1962 гг. (вып. 1 — 1957, вып. 2 — 1959, вып. 3 — 1960, вып. 4 — 1962).

² М. Г. Левин передал материалы коллекции А. П. Окладникову для подготовки их к публикации, однако при жизни М. Г. Левина сделать этого не удалось. Мною материалы коллекции получены от А. П. Окладникова, пользуюсь случаем выразить ему за это благодарность.

³ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXVI, М., 1958, стр. 225.

шая, но удобная бухта Рассвет, расположенная на западном побережье. В юго-западный и юго-восточный углы бухты впадает по большому горному ручью, с шумом протекающих по каменистым, выложенным крупными валунами руслам. Первый ручей носит то же название, что и бухта — Рассвет, второй, восточный, имеет два названия — Нерпичий и Медвежий. В районе бухты отмечены две крупные, ярко выраженные террасы: нижняя — высотой 10—11 м над уровнем моря и верхняя, поднимающаяся до 50 м. На 11-метровой террасе левого берега р. Рассвет находятся остатки поселения, состоящие из 10 полуподземных, округлых в плане жилищ. Три таких жилища есть и на нижней террасе р. Нерпичий. Материал, собранный М. Г. Левиным на этих нижних поселениях, относится к корякской культуре и почти аналогичен материалу с других подобных поселений (Атарган, Сивуч, Средняя)⁴.

Наибольшего внимания заслуживает коллекция с верхней стоянки, находящейся по правому берегу р. Нерпичий на значительной возвышенности в отдалении от берега.

Стоянка связана с раковинными кучами; ее стратиграфия, прослеженная М. Г. Левиным, выглядит так: 1) слой дерна, достигающий 30 см; 2) гумусированный слой, насыщенный раковинами моллюсков, с редкими включениями костей морских животных — 20 см; 3) измельченные раковины моллюсков, рыбы кости, песок — 15 см; 4) гумус, раковины моллюсков, уголь — 40 см. Орудия встречались в четырех горизонтах на глубине 20—40 см, 40—70 см, 70—90 см, 90—100 см, составляющих в сущности единый довольно мощный культурный слой, богато насыщенный фаунистическими остатками. Необходимо сразу же подчеркнуть, что фауна верхней стоянки резко отличается от фауны нижней. В то время, как в нижней в заполнениях корякских жилищ много костей морских млекопитающих (нерпы, лахтака, сивуча), имеются раковины моллюсков и почти отсутствуют рыбы кости, в верхней стоянке найдены главным образом рыбы кости и раковины моллюсков. Кости морского зверя здесь редки.

Собранная на верхней стоянке М. Г. Левиным коллекция (хранится в Музее антропологии МГУ, инв. № 311) состоит из 322 предметов. В основном это изделия из кости и камня. Керамика в раковинных кучах верхней стоянки отсутствовала.

Широко представлены в коллекции наконечники стрел и копий — 32 экземпляра. Наконечники стрел по форме подразделяются на несколько типов: 1. Сравнительно крупные ланцетовидные наконечники, обработанные мелкой ретушью, охватывающей все плоскости, с ромбическим поперечным сечением. 2. Наконечники удлиненно-треугольных очертаний с выемкой в основании; интересен в этой группе наконечник (коллекционный № 47) из темного, почти черного кремня, очень тонкий, тщательно обработанный с обеих сторон тончайшей ретушью, одно из жальцев его выемчатого основания слегка оттянуто (рис. 1, 1). 3. Наконечники треугольной формы с прямым основанием. Встречаются наконечники из халцедона, небольших размеров, обработанные

⁴ А. П. Окладников, Колымская экспедиция, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXI, 1947; его же, Древние культуры Северо-Востока Азии по археологическим исследованиям 1946 г. в Колымском крае, «Вестник древней истории», 1947, № 1, стр. 177—178; А. В. Беляева, Г. А. Пытляков, Археологические работы на Охотском побережье, «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958, стр. 143; Р. С. Васильевский, Археологические материалы поселения Атарган, «Краеведческие записки», вып. 3, Магадан, 1960, стр. 60; его же, Древняя корякская культура, «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1962, стр. 321.

тончайшей, типично неолитической ретушью (рис. 1, 2). Среди наконечников копий прежде всего обращают на себя внимание наконечники оригинального типа из кремнистого сланца (кол. № 1), его насад расширен, а острие узкое, вытянутое. Обработан наконечник двухсторонней ретушью, с добавочной крупной подправкой по лезвию (рис. 2, 3). Есть также наконечники треугольно-вытянутых очертаний с ромбическим сечением (рис. 2, 4). Все они изготовлены способом двухсторонней оббивки или отжима из темно-серого кремнистого сланца, а также из зеленой яшмовидной породы.

Скребок и скребловидных орудий в коллекции 16 экземпляров. Большинство из них изготовлены на отщепках, с тщательно обработанным рабочим лезвием. Преобладают скребки овальных очертаний, но встречаются также и округлые, почти дисковидной формы (рис. 1, 5; кол. № 74) из полупрозрачного халцедона; скребки на массивных отщепках с выпуклым лезвием (рис. 1, 6; кол. № 13). Скребки характеризуются необычайно крутым выпуклым лезвием (рис. 1, 7; кол. № 60).

Ножи — 6 экземпляров — в основном двух типов: полунунной формы с двухсторонней оббивкой (рис. 2, 8; кол. № 154) и ножи на отщепках (рис. 2, 9; кол. № 63), с выемкой у основания; у ножа, изображенного на рис. 2, 9, одна сторона сплошь ретуширована, другая — частично.

Тесловидных орудий найдено немного — 4 экземпляра. Они имеют овально-удлиненные очертания, заостренный обушок и широкое рабочее лезвие, заточенное довольно грубо. Как правило, все они изготовлены способом двухсторонней оббивки из темно-серого кремнистого сланца (рис. 2, 10; кол. № 25). Найден здесь также фрагмент тесла (рис. 1, 11; кол. № 55), лезвие односторонне выпуклое, частично зашлифованное. Из других каменных предметов необходимо отметить: изделие из черного кремня, с желобчатым лезвием (рис. 1, 12; кол. № 120); проколку на крупном отщепе темно-серого сланца, ее иглообразный конец обработан с двух сторон

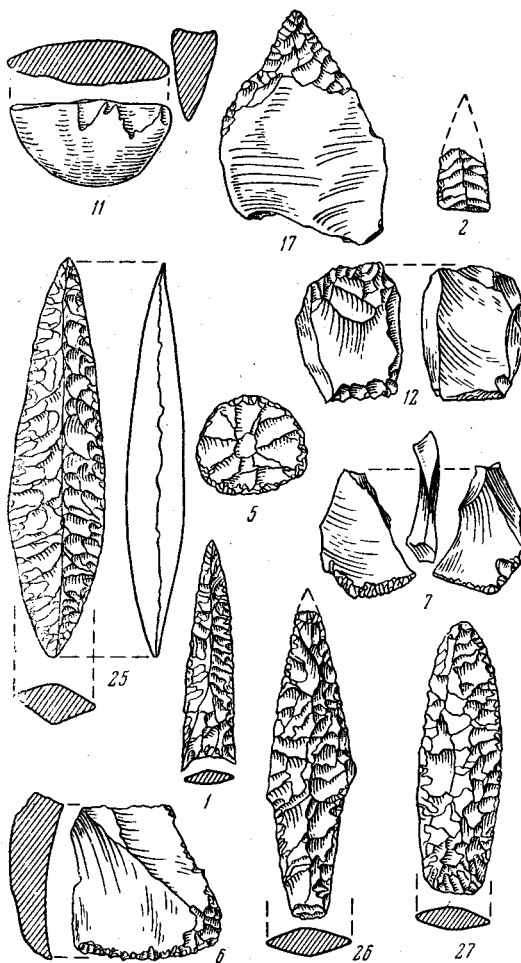

Рис. 1. Предметы коллекции, собранной на верхней стоянке о. Завьялова: 1, 2 — наконечники стрел; 3, 4, 5, 6, 7 — скребки; 11 — лезвие тесла; 12 — изделие с желобчатым лезвием; 17 — проколка из кремнистого сланца; 25, 26, 27 — наконечники стрел

(рис. 1, 17). Помимо этого, в коллекции находится значительное число отщепов, в том числе халцедоновых с хорошо выраженным раковистым изломом.

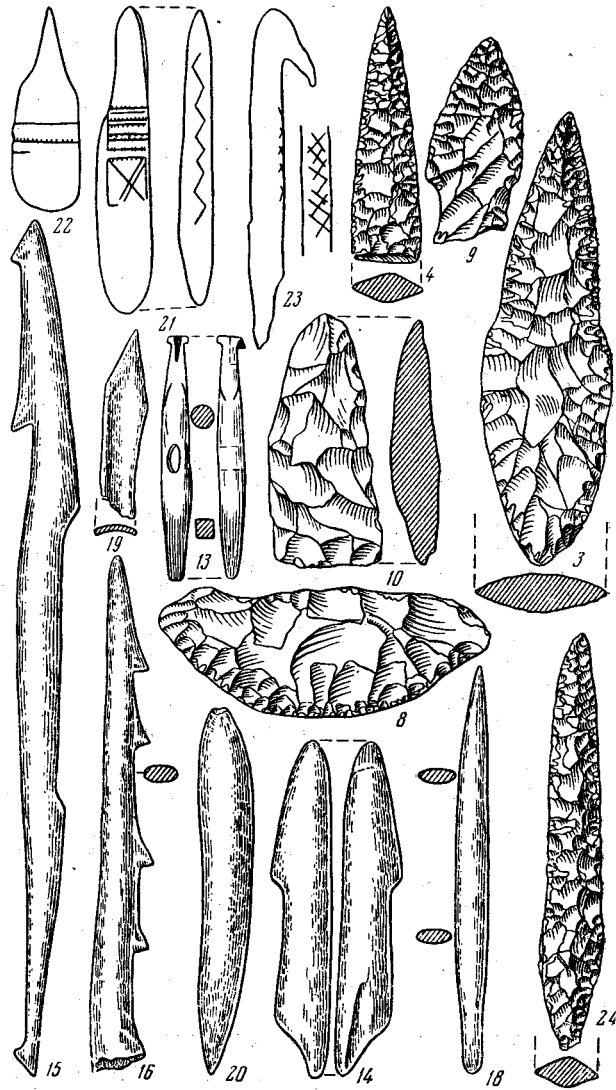

Рис. 2. Предметы коллекции, собранной на верхней стоянке о. Завьялова: 3, 4 — наконечники копий; 8, 9 — ножи; 10 — тесло из кремнистого сланца; 13 — гравировальный инструмент (кость); 14 — наконечник поворотного гарпуна (кость); 15 — острога эскимосского типа (кость); 16 — наконечник гарпуна (?); 18 — костяной веретенообразный остроконечник; 19 — шило из трубчатой кости; 20 — отжимник из ребра кита; 21, 22, 23 — орнаментированные костяные изделия; 24 — наконечник стрелы

При рассмотрении костяных изделий в первую очередь заслуживает внимания гравировальный инструмент в виде стержня с грубым отверстием посередине. На его более тонком верхнем конце имеется паз, в

котором закреплена небольшая прямоугольная железная пластинка — резец. На одной из боковых сторон, несколько ниже паза, сделаны надрезы наподобие жаберных щелей (рис. 2, 13; кол. № 105). Впервые этот инструмент был описан М. Г. Левиным и Д. А. Сергеевым⁵. Интересен и наконечник поворотного гарпуна (рис. 2, 14), с открытым гнездом, одной асимметричной шпорой в основании и боковым шипом-бородкой, но, вероятно, не законченный, так как не имеет отверстия для лия.

В коллекции имеются также 4 остроги характерного эскимосского типа (рис. 2, 15; кол. № 100), три односторонне зубчатых наконечника гарпуна (рис. 2, 16; кол. № 37, 72), 18 различных по размеру и форме остроконечников. Большая часть из них имеет вид округлого в поперечном сечении веретенообразного стержня с отшлифованной поверхностью. Они могли употребляться в качестве наконечников дротиков или копий (рис. 2, 18; кол. № 172). Шилья чаще всего изготовлены из расколотых вдоль трубчатых костей птиц и наземных животных. Их острый конец оформлен резкими косыми срезами, зашлифован (рис. 2, 19; кол. № 139).

Отжимниками при изготовлении каменных орудий служили острия из ребер кита удлиненно-овальных очертаний. Их верхний конец, как правило, сильно смят от ударов (рис. 2, 20; кол. № 145). В коллекции имеются три орнаментированных костяных изделия. Это: 1. Острие из кости морского зверя (рис. 2, 21; кол. № 152). На его широкой отшлифованной поверхности тонкими, но четкими линиями вырезан геометрический узор. Композиция этого узора проста. Он состоит из поперечных полосок, образованных параллельными резными линиями. Линии, в свою очередь, окаймлены с обеих сторон насечками. Ниже полосок располагается квадрат, во внутренней части которого проходят перекрещивающиеся линии. Узор в виде волнистой линии имеется и на одной из боковых граней острия. 2. Шило. Его широкая поверхность украшена пояском с тонкими поперечными насечками (рис. 2, 22; кол. № 52). 3. Однозубчатый костяной крючок (рис. 2, 23; кол. № 11). Узор располагается на внутренней боковой грани и состоит из тончайших перекрещивающихся резных линий, которые, соприкасаясь друг с другом, образуют ромбические фигуры.

В этой же коллекции имеется несколько предметов, которые были найдены на верхней стоянке и переданы М. Г. Левину одним из жителей острова—Озолиным. Среди них заслуживают внимания: 1. Наконечник стрелы из зеленовато-серого кремнистого сланца, тщательно ретуширован; вторичная подправка, охватывающая края наконечника, — мелкозубчатая (рис. 2, 24; кол. № 277). 2. Наконечник стрелы (кол. № 287) из зеленоватого сланца, техника изготовления та же, что и у наконечника № 277, но зубцы крупнее, края более извилистые (рис. 1, 25). 3. Наконечник стрелы (кол. № 282) из зеленой яшмовидной породы, имеет плечики и черешок долотообразной формы (рис. 1, 26). 4. Наконечник стрелы (кол. № 283) из желто-бурого кремня, тонкий, обработан со всех сторон тщательной, почти струйчатой ретушью, узкие фасетки параллельны. Одна сторона наконечника выпуклая, другая — уплощена (рис. 1, 27).

Даже из этого краткого описания видно резкое отличие всего комплекса от материала поселений древнекорякской культуры. Это проявляется уже в самом наборе орудий. Здесь мы не находим столь типичных для корякских поселений ледовых пещен, костяных лопаток, пан-

⁵ М. Г. Левин, Д. А. Сергеев, К вопросу о времени проникновения железа в Арктику, «Сов. этнография», 1960, № 3, стр. 122.

цирных пластин, длиннозубых гребней, ложек. Отличие видно и в технике производства каменных орудий. Большинство орудий верхней стоянки изготовлено способом двухсторонней оббивки и отжима, часты находки миниатюрных орудий с тончайшей типично неолитической ретушью, встречаются наконечники стрел с извилистыми зубчатыми краями. Отличие подчеркивается, как отмечалось выше, и фаунистическими остатками, характеризующими занятие населения, оставившего стоянку, прежде всего рыболовство с развитым собирательством раковин моллюсков. Характерно для верхней стоянки и полное отсутствие керамики. Однако эти отличия не означают вообще разность культур: здесь, очевидно, представлены материалы одной и той же культуры, но в разные хронологические этапы.

Более ранний возраст верхней стоянки о. Завьялова по сравнению с нижним поселением определяется не только техникой изготовления орудий, но и сходством ряда находок с предметами широко известных неолитических культур Северной Азии. Так, ножи полулунной формы, двухсторонне ретушированные (рис. 2, 8) встречаются в памятниках глазковского времени в Прибайкалье⁶. Известны они и в неолитических памятниках бассейна реки Колымы⁷. Находят аналогии в неолите Якутии⁸ и наконечники стрел овально-удлиненных очертаний с выемкой в основании (кол. № 48). Не безынтересно отметить тот факт, что среди материала уже встречено железо — гравировальный инструмент. Эта находка, как справедливо в свое время было отмечено А. П. Окладниковым⁹, а позже М. Г. Левиным и Д. А. Сергеевым¹⁰, свидетельствует о сравнительно раннем проникновении железа к народам Северо-Востока и о связях их с культурами юга, где железо было распространено еще в первом тысячелетии до н. э.¹¹

Говоря о месте верхней стоянки о. Завьялова среди других памятников Охотского побережья, нельзя не упомянуть и обнаруженную автором настоящей статьи в 1961 г. стоянку на острове Недоразумения. В материале с этого острова, характеризующемся обилием миниатюрных орудий, большим количеством наконечников стрел, копий, ножей, скребков, изготовленных из высококачественных пород камня — горного хрусталя, халцедона, яшмы, обсидиана, — еще в большей степени проявляется неолитический облик орудий, высокая техника их обработки и связи с культурами соседних территорий: через Якутию с Прибайкальем, с одной стороны, и с Приморьем — с другой. Непосредственно из культурного комплекса о. Недоразумения, как это сейчас видно, развивался, по-видимому, и комплекс верхней стоянки о. Завьялова.

Весь инвентарь поселения на о. Недоразумения (наконечники стрел, в том числе архаических форм, с асимметричным основанием, черешковые наконечники копий, ножи) характеризует быт населения, оставившего стоянку, главным образом как охотничье-рыболовческий. Занималось здесь древнее население и собирательством съедобных моллюсков. Развитого морского зверобойного промысла еще не было.

⁶ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, М.—Л., 1955, стр. 113, рис. 26, 2, рис. 24, 4.

⁷ А. П. Окладников, Древние культуры Северо-Востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае, стр. 178.

⁸ А. П. Окладников, История Якутской АССР, т. I, М.—Л., 1955, стр. 79, табл. 17.

⁹ «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 101.

¹⁰ М. Г. Левин, Д. А. Сергеев, Указ. раб., стр. 122.

¹¹ А. П. Окладников, Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, М.—Л., 1963, стр. 174—175.

Такую же картину мы наблюдаем и на верхней стоянке о. Завьялова. Но здесь уже прослеживается некоторое развитие морского зверобойного промысла. Это можно наблюдать в появлении гарпунов, в том числе и поворотного типа, правда еще простейшей, возможно, изначальной формы, в наличии фаунистических остатков морских животных на большем расстоянии от материка (о. Недоразумения находится в 1,5 морских мили от берега, о. Завьялова — в 20 милях). Но в стоянках на о. Недоразумения и на о. Завьялова еще нет керамики, она появляется позже, лишь на стадии древнекорякских поселений.

Все это дает возможность наметить этапы исторического развития древней культуры Охотского побережья. Ее развитие шло в такой последовательности: а) стоянка о. Недоразумения; б) верхняя стоянка о. Завьялова; в) корякские поселения с полуподземными жилищами.

Можно также высказать предположение о том, что первые обитатели Охотского побережья были носителями смешанной континентально-приморской культуры, подобной той, которая сохранилась до наших дней у эскимосов ряда районов Канады. Летом они охотились на диких оленей во время их миграций. Осенью же, приблизительно с середины октября, когда тюлени заходят в устья рек и заливы, преследуя косяки рыбы, начинался промысел морских млекопитающих.

Вполне возможно (об этом свидетельствуют пока лишь случайные находки с верховьев Колымы), что первыми обитателями Охотского побережья были племена внутриконтинентальных охотников на дикого оленя, занимавшие в прошлом верховья Колымы и долины рек Берелёх, Хинике, Аян-Юрях. Преследуя стада диких оленей, часть охотников вышла к побережью. Здесь, столкнувшись с богатой морской фауной, они стали приспосабливаться к жизни у моря, постепенно присоединяя к старым, формам хозяйства (охота, рыболовство) новые — морской промысел, собирательство съедобных моллюсков. Так первоначально сложилась смешанная континентально-приморская неолитическая культура. В ареал ее распространения входили, по-видимому, не только районы современного Магадана, но и вся прибрежная полоса северной части Охотского побережья, включая север западного побережья Камчатки, где подобные памятники также известны, например, Усть-Паланский неолитический комплекс. Позже, уже в период нашей эры, эта континентально-приморская смешанная культура переросла в культуру морских зверобоев. Ускорителем в процессе ее формирования как подлинно морской культуры явилось влияние культур смежных территорий и, прежде всего, идущее с юго-востока, из района Амура. Конечно, это предположение требует дополнительной аргументации, новых фактов, которые могут быть получены при дальнейших археологических исследованиях на Охотском побережье и в бассейне р. Колымы.

Таким образом, интересный материал коллекции М. Г. Левина проливает свет на неразрешенные проблемы древней истории Охотского побережья и помогает установить более четкую последовательность ее развития.